

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-11-448-455

ЯКОВЛЕВ Александр Андреевич,
Аспирант Института социально-гуманитарного
образования по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
e-mail: gratciel@mail.ru

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию корпоративного правосознания как социокультурного и правового феномена, влияющего на профилактику фиктивного банкротства. Рассматриваются правовая природа и структура корпоративного правосознания, факторы его трансформации в условиях экономической нестабильности и цифровизации. Особое внимание уделяется взаимодействию между правоохранительными и контрольными органами в предупреждении фиктивного банкротства и минимизации его последствий. Представлена авторская модель корреляции уровня правовой культуры бизнеса с риском фиктивного банкротства.

Ключевые слова: корпоративное правосознание, фиктивное банкротство, правовая культура, комплаенс, криминализация банкротства, правовое поведение, ответственность, минимизация ущерба.

YAKOVLEV Alexander A.,
Postgraduate Student,
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow State Pedagogical University,
Specialization: 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

THE ROLE OF CORPORATE LEGAL CONSCIOUSNESS IN PREVENTING FRAUDULENT BANKRUPTCY

Annotation. This article explores corporate legal consciousness as a socio-legal phenomenon and its role in preventing fraudulent bankruptcy. It examines the legal nature and internal structure of corporate legal consciousness, as well as the institutional and behavioral determinants that shape lawful decision-making in the business environment. Special attention is paid to the coordination between regulatory and law enforcement bodies in addressing the latent nature of fraudulent bankruptcy schemes. The article also presents an original framework for assessing the correlation between the level of legal culture in companies and the probability of abuse of bankruptcy procedures.

Key words: corporate legal consciousness, fraudulent bankruptcy, legal culture, compliance, criminalization of bankruptcy, legal behavior, responsibility, damage mitigation.

В обозначении проблематики данной статьи основное внимание сосредоточено на правовой и социокультурной природе фиктивного банкротства как формы злоупотребления механизмами несостоятельности.

Современная российская экономика функционирует в условиях нестабильной финансовой среды, высокой кредитной нагрузки на бизнес и активного применения процедур банкротства как способа реструктуризации долгов. В этой связи особую актуальность приобретает проблема заве-

домо ложного объявления о несостоятельности, совершаемого с умыслом уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Такое поведение не только искажает цели законодательства о банкротстве, но и подрывает доверие к правовым институтам, способствуя деформации правовой культуры в предпринимательской среде.

Фиктивное банкротство официально признаётся уголовно наказуемым деянием в соответствии со статьёй 197 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако практика его рассле-

дования и квалификации до сих пор вызывает значительное количество споров как в правоприменительной, так и в научной среде. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 году было возбуждено всего 6 уголовных дел по статье 197 УК РФ, тогда как число процедур банкротства только за 2020 год превысило 170 тысяч. Это свидетельствует о высокой латентности подобных правонарушений и недостаточной эффективности существующих мер противодействия [7].

Причины столь низкой результативности во многом кроются не только в пробелах законодательства, но и в правовой культуре корпоративного сектора. В бизнес-среде сохраняется толерантное отношение к злоупотреблениям процедурой банкротства, особенно в форме её фиктивного использования, что является проявлением деформированного корпоративного правосознания - совокупности установок, правовых представлений и практик, формирующихся в профессиональной среде хозяйствующих субъектов.

Таким образом, целью настоящей статьи является исследование корпоративного правосознания как фактора предупреждения фиктивного банкротства, анализ его структуры, механизмов формирования и трансформации, а также выявление взаимосвязи между уровнем правовой культуры бизнеса и эффективностью реализации института несостоятельности.

Корпоративное правосознание - это особая форма группового правосознания, формирующаяся в процессе функционирования юридических лиц (хозяйственных обществ, корпораций, объединений и иных организационно-правовых форм). Оно включает совокупность правовых знаний, оценок, мотиваций и поведенческих установок,

направленных на соблюдение и реализацию правовых норм в рамках корпоративной деятельности.

Согласно классическому определению, предложенному Ю.А. Тихомировым, корпоративное правосознание представляет собой:

«Групповую форму правосознания, проявляющуюся в правовом мышлении и действиях субъектов корпоративного управления, основанных на понимании и соблюдении правовых норм, регламентирующих деятельность организации» [9].

Однако современные авторы обогащают это определение. Так, А.А. Злобин и А.Н. Цуканов в работе «Интересы и ценности в структуре корпоративного правосознания: вопросы теории» подчёркивают, что корпоративное правосознание формируется на пересечении правовой материи и корпоративной культуры и включает в себя не только знание норм, но и ценностные приоритеты, идеологию и интересы, доминирующие в организации [10].

«Правосознание субъектов корпоративных отношений - это не только понимание юридически допустимого, но и интерпретация правовых норм через призму корпоративных интересов, что определяет реальное правовое поведение хозяйствующего субъекта» [10].

Таким образом, корпоративное правосознание является основой формирования комплаенс-политик, управления рисками, выбора модели взаимодействия с государством и стратегий правомерного поведения в условиях экономических рисков.

На основе обобщения научной литературы и практики правоприменения можно выделить многоуровневую структуру корпоративного правосознания, представленную в *таблице*:

Таблица 1. Многоуровневая структура корпоративного правосознания

Уровень	Содержание
Когнитивный	Знание законодательства (корпоративного, гражданского, налогового, уголовного и др.)
Оценочно-нормативный	Отношение к праву как к ценности, осознание его регулятивной и охранительной функции
Поведенческий	Реализация норм права в управленческих и хозяйственных решениях
Ценностно-мотивационный	Устойчивое стремление к правомерному поведению, приоритет долгосрочных легитимных интересов
Институциональный	Закрепление правовых норм в корпоративных актах, стандартах этики и комплаенс-документации

Именно ценностно-мотивационный компонент позволяет объяснить, почему, несмотря на одинаковый уровень правовых знаний, одни организации склонны к правонарушениям, включая фиктивное банкротство, а другие демонстрируют законопослушное поведение даже в условиях финансового кризиса.

Фиктивное банкротство, как правило, инициируется в целях уклонения от обязательств, сокрытия активов или неправомерного перераспределения имущества, часто при наличии внешней иллюзии легитимности. Такая практика возникает в условиях, когда правосознание не носит правозащитного характера, а используется инструментально.

М.И. Зеленская справедливо отмечает:

«Отсутствие правовых ориентиров и механизма саморегулирования внутри корпоративной среды способствует выбору стратегии ухода от ответственности, а не урегулирования долговых обязательств» [8].

Таким образом, корпоративное правосознание - это не абстрактное философское понятие, а практический и действенный механизм предотвращения правонарушений, в том числе фиктивного банкротства. Его укрепление должно стать ключевым направлением профилактики корпоративных преступлений.

Фиктивное банкротство, в свою очередь, представляет собой одно из наиболее противоречивых и трудно поддающихся доказательству преступлений в сфере экономической деятельности. Согласно статье 197 Уголовного кодекса Российской Федерации, оно квалифицируется как заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности, если такое действие повлекло причинение крупного ущерба. Однако подобная формулировка вызывает существенные сложности в

правоприменении, прежде всего из-за расхождения понятийного аппарата уголовного и специализированного законодательства.

Так, термин «объявление о банкротстве», применённый в уголовной норме, не соответствует понятийной системе Закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В нём речь идёт не об объявлении, а о юридически значимом действии - подаче заявления в арбитражный суд или инициировании внесудебной процедуры. Возникает логичный вопрос: если право на обращение в суд гарантировано Конституцией РФ, можно ли считать такое обращение составом преступления?

Исследователи едины во мнении, что наказуемым должно быть не формальное обращение, а злоупотребление правом, сопряжённое с умыслом нанести ущерб. Как подчёркивает Н.В. Беркович, криминализировать необходимо именно действия, направленные на искусственное создание признаков несостоятельности, а не сам факт участия в процедуре.

На фоне развивающейся практики добровольных и внесудебных банкротств статистика демонстрирует тревожный разрыв между объёмом процедур и числом уголовных дел. По данным Федресурса [13]:

- В 2024 году статус банкрота получили 431 940 физических лиц (+23,6% к 2023 г.).
- Число внесудебных процедур выросло в 3,5 раза - с 15 892 до 55 652.
- Корпоративные банкротства, напротив, достигли исторического минимума - 8 750 дел.
- Лишь 9,5% банкротств юрлиц были инициированы самими компаниями, в остальных случаях инициаторами выступали кредиторы и налоговая служба.

Таблица 2. Ключевые противоречия статьи 197 УК РФ

Проблема	Суть	Последствия
Терминология	«Объявление о банкротстве» не имеет юридической силы и не упоминается в Законе о банкротстве	Правовая неопределённость и путаница в квалификации
Высокая латентность	Фиктивное банкротство маскируется под правомерные действия	Отсутствие уголовных дел даже при наличии ущерба
Формализм состава	Обязательное наличие крупного ущерба затрудняет возбуждение дела	Преступление становится почти недоказуемым
Конфликт с экономической свободой	Избыточная криминализация бизнес-деятельности	Риск давления на добросовестных участников

Юристы и криминалисты в этой связи высказывают обоснованные предложения по актуализации состава преступления, предусмотренного статьёй 197 УК РФ. Среди ключевых направлений предлагаемых изменений – замена оценочных и расплывчатых формулировок на юридически точные конструкции, закрепление объективных признаков фиктивности (например, наличие мнимых обязательств, сокрытие активов, введение в заблуждение кредиторов) и перевод состава в категорию формальных, по аналогии с рядом европейских правовых порядков, где наличие ущерба не является обязательным условием для наступления уголовной ответственности.

Тем не менее подобная либерализация уголовного законодательства требует чрезвычайно взвешенного подхода. Как справедливо отмечает А.В. Кузнецов, «экономическая сфера требует осторожного подхода к уголовному вмешательству», чтобы не создать предпосылок для произвольного давления на предпринимателей [12]. Это ставит вопрос о необходимости не только совершенствования норм, но и укрепления поведенческих и институциональных механизмов правомерного поведения в деловой среде.

В этой связи особую значимость приобретает корпоративное правосознание как внутренний механизм сдерживания и профилактики правонарушений. Его можно уподобить иммунной системе компании, защищающей её от рисков правовой девиации. Там, где управленческие решения основываются на ценностном восприятии закона, где соблюдение правовых норм является элементом корпоративной идентичности, – фиктивное банкротство рассматривается не как допустимая стратегия, а как противоправная аномалия, влекущая за собой не только правовые, но и репутационные последствия. Развитое правосознание руководства и ключевых сотрудников формирует правовую устойчивость организации и минимизирует вероятность принятия решений, противоречащих не только букве, но и духу закона.

Согласно исследованию М.И. Зеленской (2020), в более чем 60% случаев фиктивного и преднамеренного банкротства выявлены признаки искусственного формирования задолженности, манипулирования кредиторским реестром, нарушений в учёте и обороте документов. При этом в компаниях, где функционировали внутренние юридические службы, практиковались процедуры compliance и правового аудита, подобных инцидентов не фиксировалось вовсе [8].

Таким образом, корпоративное правосознание выступает не просто ценностной категорией, а практическим инструментом управления правовыми рисками.

Корпоративное правосознание проявляется не только на уровне убеждений, но и через институциональные механизмы, встроенные в структуру и практику организации. К числу таких признаков можно отнести:

- наличие юридического департамента или штатного юриста;
- регулярную внутреннюю правовую экспертизу решений;
- внедрение compliance-программ, включая антикризисные и антикоррупционные;
- деятельность аудиторских и этических комитетов;
- открытость и взаимодействие с надзорными органами (ФНС, ЦБ, Росфинмониторинг);
- осознанный отказ от «оптимизационных» схем с участием аффилированных структур.

Такие элементы не только снижают вероятность правонарушений, но и создают среду правовой предсказуемости, в которой фиктивное банкротство не воспринимается как стратегический манёвр, а становится исключением из нормы.

Наличие или отсутствие развитого корпоративного правосознания оказывает прямое влияние на поведение организации в условиях кризиса. Ниже приведена сравнительная таблица, демонстрирующая разницу в подходах:

Таблица 3. Влияние уровня корпоративного правосознания на поведение в кризисных ситуациях

Сценарий кризиса	При слабом правосознании	При высоком правосознании
Финансовые трудности	Вывод активов на аффилированные структуры	Проведение реструктуризации задолженности
Рост долговой нагрузки	Искусственное создание мнимых долгов	Инициирование переговоров с кредиторами
Подготовка к банкротству	Сокрытие документации, двойная бухгалтерия	Прозрачная отчётность и взаимодействие с кредиторами
Угроза уголовной ответственности	Попытки ухода от следствия, давление на сотрудников	Сотрудничество с надзорными органами, внутренние расследования

Таким образом, уровень правовой зрелости компании напрямую определяет вектор её поведения в условиях риска. Там, где право воспринимается как внешняя формальность, деяния типа фиктивного банкротства могут быть рационализированы как «инструменты антикризисного управления». Там же, где право - это внутренняя ценность, любые противоправные действия исключаются как недопустимые.

Как подчёркивает С.С. Босхолов, «устойчивое снижение уровня фиктивного и преднамеренного банкротства возможно только при наличии системы коллективной правовой ответственности, поддерживаемой корпоративной культурой и осознанным правовым поведением субъектов предпринимательства» [7]. Такое утверждение акцентирует внимание на глубинной взаимосвязи между правовой культурой внутри компании и внешней правопорядочной средой. В условиях, когда нормы права воспринимаются не как инструмент давления, а как внутренняя ценность, моделируется устойчивая стратегия правомерного поведения, исключающая фиктивное банкротство как таковое.

Именно поэтому развитие корпоративного правосознания не может рассматриваться как факультативная задача, ограниченная рамками делового этикета или добровольных кодексов. Напротив, оно должно восприниматься как приоритетное направление обеспечения экономической безопасности и стабилизации предпринимательской среды. Эта задача, по сути, выходит за рамки корпоративного управления и переходит в сферу государственной политики.

Формирование зрелого правосознания в предпринимательской среде - это не только вопрос частной инициативы, но и элемент более широкой государственной стратегии по укреплению правопорядка. Превенция фиктивного банкротства требует системного подхода, сочетающего уголовно-правовую реакцию с правовым просвещением, институциональной поддержкой и цифровыми механизмами контроля. Такой подход соответствует положениям «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утверждённым Президентом РФ в 2011 году [2], где подчеркивается необходимость формирования устойчивого уважения к закону, преодоления правового нигилизма и закрепления модели добросовестного, законопослушного поведения как общественно одобряемого стандарта.

Как следует из Основ государственной политики (2011), правовая культура общества невозможна без усилий государства, направленных на формирование уважения к закону, добросовест-

ности как нормы поведения и преодоление правового нигилизма. В бизнес-среде это означает поддержку законопослушного предпринимательства, создание условий, при которых добросовестное поведение становится экономически оправданным, а правонарушения - высокорисковыми и невыгодными.

Государственная политика может реализовываться через следующие векторы:

- развитие юридического просвещения предпринимателей, в том числе в рамках программ поддержки малого и среднего бизнеса;
- создание институтов профилактики правонарушений - compliance, правовой аудит, антикризисные юридические службы;
- финансовое и информационное стимулирование добросовестных компаний;
- цифровизацию процедур, повышающих прозрачность экономической деятельности.

Подчеркнём, что подобный подход соответствует и положениям Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208. Среди приоритетов этой стратегии прямо указано предотвращение фиктивного и преднамеренного банкротства.

Ключевым направлением государственной политики является правовое просвещение. Как подчёркивается в Основах (п. 14–15), необходимо создавать систему стимулов к законопослушанию, начиная с базового образования и заканчивая специализированными программами для предпринимателей и управленцев.

На практике это может включать:

- интеграцию модулей правовой грамотности в программы бизнес-инкубаторов и акселераторов;
- проведение онлайн-курсов для собственников и директоров по темам правовых рисков, банкротства, субсидиарной ответственности;
- создание доступных методических материалов ФНС, Минэкономразвития, Банка России;
- юридические клиники и консультации на базе вузов и палат предпринимателей.

Всё это способствует снижению правового нигилизма и формирует ценностное восприятие закона как средства защиты, а не преграды для бизнеса.

С 2017 года в правоприменительной практике усилилась роль института субсидиарной ответственности. Согласно положениям Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», суд может:

- привлекать к ответственности контролирующих должника лиц - бенефициаров, руководителей;
- взыскивать ущерб, причинённый недобросовестными действиями;
- отменять сделки, совершённые в обход интересов кредиторов.

Эти меры, при должной реализации, формируют практику, при которой фиктивное банкротство становится невыгодным с экономической точки зрения.

Немаловажным является и межведомственное сотрудничество. Например, Соглашение о взаимодействии между МВД России и ФНС от 13 октября 2010 г. № 1/8656 позволяет оперативно обмениваться информацией о налоговых нарушениях, выявлять признаки искусственного банкротства и передавать дела в правоохранительные органы.

Однако эффективность таких мер напрямую зависит от внутренней культуры соблюдения закона - того самого корпоративного правосознания, о котором идёт речь в данной работе.

Развитие цифровых решений оказывает двойственное влияние на правоприменительную практику в сфере банкротства: с одной стороны, оно усиливает потенциал государственного контроля, с другой — способствует формированию устойчивой правовой дисциплины в корпоративной среде. Так, алгоритмы Федеральной налоговой службы позволяют в автоматизированном режиме отслеживать схемы дробления бизнеса, устанавливать аффилированность компаний, выявлять признаки искусственного увеличения задолженности и иные аномалии в налоговых показателях.

На федеральном портале «Госуслуги» действует специализированный раздел «Бизнес», через который предприниматели могут получить доступ к государственным сервисам: зарегистрировать ИП или ООО, подать заявки на лицензирование, отследить статус кассовой техники, ознакомиться с доступными мерами поддержки, внести или уточнить данные в реестре МСП, а также получить сведения о своей организации, включая банковские счета и транспортные средства. Эти возможности способствуют формированию правовой информированности и повышают уровень самоконтроля со стороны субъектов предпринимательства.

Кроме того, важную роль в повышении прозрачности и правовой определённости играет электронное правосудие: арбитражные суды активно внедряют цифровой документооборот и онлайн-мониторинг дел о несостоятельности. Платформа ЕФРСБ (Федресурс) обеспечивает открытость сведений о стадиях процедур банкрот-

ства, участниках, сделках и жалобах, позволяя и кредиторам, и государственным органам своевременно реагировать на потенциальные признаки фиктивности. Таким образом, цифровизация рассматривается как значимый инструмент профилактики правонарушений в сфере банкротства, особенно в случае, если она сопряжена с внутренней корпоративной установкой на соблюдение законодательства и отказ от недобросовестных практик.

В рамках заключения следует подчеркнуть, что фиктивное банкротство как правовое явление занимает особое место в системе преступлений экономической направленности. Оно отражает не только дефекты уголовно-правового регулирования и пробелы в правоприменении, но и более глубокие процессы — трансформацию правовой культуры в условиях рыночной экономики. Формально обладая признаками уголовно наказуемого деяния, на практике фиктивное банкротство нередко воспринимается как допустимая стратегия выхода из финансовых затруднений, что свидетельствует о серьёзной деформации правосознания в корпоративной среде.

Анализ уголовно-правовых норм и судебной практики свидетельствует о наличии концептуальных проблем в квалификации фиктивного банкротства. Прежде всего, вызывает сомнение применимость термина «публичное объявление о несостоятельности», поскольку действующее законодательство о банкротстве не содержит соответствующей правовой категории. Кроме того, само по себе обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом не может расцениваться как преступное деяние, поскольку является реализацией конституционного права на судебную защиту. Уголовная ответственность в данном контексте возможна лишь при наличии прямого умысла на причинение вреда кредиторам, что на практике крайне трудно доказуемо.

Одновременно с этим статистика свидетельствует о масштабности использования института банкротства, особенно в сегменте физических лиц. По данным Федресурса, в 2024 году число банкротств граждан превысило 430 тысяч случаев, из которых более 55 тысяч были осуществлены по внесудебной процедуре. На этом фоне уголовные дела по статье 197 УК РФ остаются единичными, что указывает на неэффективность исключительно репрессивного подхода к проблеме фиктивного банкротства.

Именно в этом контексте на первый план выходит значение корпоративного правосознания как инструмента предупреждения правонарушений в экономической сфере. Развитое правосознание внутри организации способно формировать

внутренние этические и правовые ориентиры, которые заменяют внешнее принуждение нормами самоограничения и правовой ответственности. Там, где право становится внутренней ценностью, а не формальным требованием, риски фиктивного банкротства минимальны.

Формирование корпоративного правосознания невозможно без согласованных усилий со стороны государства, образовательных учреждений и делового сообщества. Государственная политика в сфере правовой грамотности и правосознания, изложенная в Основах, утверждённых Президентом РФ 4 мая 2011 года, определяет вектор системной работы по повышению уровня правовой культуры граждан, включая представителей бизнеса. Эти меры предполагают правовое просвещение, развитие комплаенс-контроля, цифровизацию отчётности, создание стимулов для правомерного поведения, а также совершенствование уголовного и гражданского законодательства в части банкротства.

Особое значение имеют образовательные инициативы: внедрение в программы подготовки управленческих кадров модулей по корпоративной юридической ответственности, практико-ориентированное обучение анализу правовых рисков, подготовка методических материалов по типичным случаям фиктивного банкротства. Только через постоянное формирование у руководителей и бухгалтеров навыков правовой оценки собственных действий возможно достижение устойчивого правомерного поведения в кризисных ситуациях.

В целом, можно утверждать, что фиктивное банкротство - это не столько пробел в уголовном кодексе, сколько симптом незрелости правовой культуры. Поэтому эффективное противодействие этому явлению возможно лишь в условиях формирования зрелого корпоративного правосознания, воспринимающего закон не как формальность, а как основу устойчивого развития бизнеса.

Переход от формального подчинения закону к внутренне осознанной правовой установке - необходимое условие становления правового государства и современной экономической системы. Таким образом, задача предупреждения фиктивного банкротства выходит за рамки уголовной политики: она требует формирования новой модели предпринимательского поведения, в которой главную роль играют правовые ценности, добросовестность и уважение к институтам государства.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный

интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 01.11.2025).

[2] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 04.05.2011 г.).

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/>; 01.07.2025.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.04.2025).

URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>, дата обращения: 01.07.2025.

[4] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 28.12.2024).

URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527>, дата обращения: 01.07.2025.

[5] Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705130001> (дата обращения: 01.11.2025).

[6] Соглашение о взаимодействии МВД России и ФНС России от 13.10.2010 № 1/8656 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2025).

[7] Босхолов С.С., Иванова А.Б. Фиктивное банкротство: правовые и экономические аспекты // Журнал «Финансовое право». 2022. № 3. С. 41–52.

[8] Зеленская М.И. Правовое поведение в контексте фиктивного банкротства // Юридический мир. 2020. № 9. С. 87–92.

[9] Тихомиров Ю.А. Корпоративное правосознание: подходы и принципы регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 42–47.

[10] Злобин А.А., Цуканов А.Н. Интересы и ценности в структуре корпоративного правосознания: вопросы теории // Право. Журнал высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 88–96.

[11] Беркович Н.В. Злоупотребления в сфере банкротства: уголовно-правовая квалификация // Вестник уголовного права. 2021. № 4. С. 105–110.

[12] Кузнецов А.В. Уголовно-правовые риски предпринимательской деятельности: границы допустимого // Уголовное право. 2021. № 2. С. 14–21.

[13] Федресурс. Статистические данные о банкротствах в 2024 году // Официальный сайт ЕФРСБ. URL: <https://rusbankrot.ru/legislative-news/fedresurs-predstavil-statisticheskie-dannye-o-bankrotstvakh-v-2024-godu/>

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (date of reference: 11/01/2025).

[2] Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of the development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on 05/04/2011).

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/> : 07/01/2025.

[3] The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended dated 04/01/2025).

URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> , accessed: 07/01/2025.

[4] Federal Law No. 127-FZ dated 26.10.2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended dated 12/28/2024).

URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527> , accessed: 07/01/2025.

[5] Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030" // Official Internet portal of Legal

Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705130001> (date of application: 11/01/2025).

[6] Agreement on Cooperation between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Tax Service of Russia dated 10/13/2010 No. 1/8656 // SPS ConsultantPlus (date of application: 11/01/2025).

[7] Bosholov S.S., Ivanova A.B. Fictitious bankruptcy: legal and economic aspects // Financial Journal the right." 2022. No. 3. pp. 41-52.

[8] Zelenskaya M.I. Legal behavior in the context of fictitious bankruptcy // Legal World. 2020. No. 9. pp. 87-92.

[9] Tikhomirov Yu.A. Corporate legal awareness: approaches and principles of regulation // Journal of Russian Law. 2015. No. 6. pp. 42-47.

[10] Zlobin A.A., Tsukanov A.N. Interests and values in the structure of corporate legal awareness: issues of theory. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 1. pp. 88-96.

[11] Berkovich N.V. Abuses in the field of bankruptcy: criminal legal qualification // Bulletin of Criminal Law. 2021. No. 4. pp. 105-110.

[12] Kuznetsov A.V. Criminal law risks of entrepreneurial activity: the limits of what is acceptable // Criminal Law. 2021. No. 2. pp. 14-21.

[13] Federal Resource. Statistical data on bankruptcies in 2024 // Official website of the EFRSB. URL: <https://rusbankrot.ru/legislative-news/fed-resurs-predstavil-statisticheskie-dannye-o-bankrotstvakh-v-2024-godu/>

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.